
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

ДВА РАССКАЗА

Наш постоянный автор, профессор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ

Старик хорошо знал дорогу. Он уверенно шел, постукивая палочкой по краю тротуара, чтобы не ступить на проезжую часть. Натыкавшимся на него прохожим он говорил коротко и привычно — «виноват», «виноват».

По этой дороге он ходил много раз в юности. От своего дома к дому Стеша. Всего одна улица и поворот направо в короткий переулок. «Проулок», как говорили жители этого поселка. После войны в нем поселилось много пришлого народа. Стеша была из коренных, местных, как и он. Они знали друг друга с детства. Кузнецовых да Петровых было полпоселка. Она была Кузнецова. Он из Петровых. У Петровых Петрами называли всех представителей мужского пола — первенцев. «Может, поэтому такая фамилия». Старик усмехнулся своей догадке.

«Виноват, виноват», — говорил он натыкавшимся на него прохожим.

Голову старик держал кверху и набок. Оттого казался отрешенным от суеты улицы, как будто вверху что-то видел или читал.

Старик в самом деле весь был в прошлом. Детство не вспоминалось. Зато юность... Стеша... Если бы не Аркадий, Аркаша, Аркашка, черт, из приезжих, она бы стала Петровой. Все к этому шло.

Как водится, дружили с детства. Сначала не видели друг в друге ничего особенного. «Подумаешь, Стешка», — усмехнулся старик. Потом, когда она стала округляться, а у него на верхней губе стали прорезываться усы, не усы даже, а так — рыжеватый пушок, необъяснимое волнение стало охватывать его, если случалось коснуться ее руки, плеча или еще чего.

«Эх», — сказал старик, передернув плечами, и потер бы руки от сладких воспоминаний, да в одной была палочка, которой он постукивал по краю тротуара — «виноват», «виноват».

А что было дальше? Голодно было после войны, бедно. А ничего, жили. Заработал клуб. Кино. Танцы. Петька Петров, конечно, не умел танцевать так, как Аркашка, черт его дери. С всякими там выкрутасами. Он и девок учил этим выкрутасам. Стешу тоже. В поселке ребят почти не было. Некому было его проучить. Вот он и крутил «амуры» с поселковыми дурами.

На Октябрьские в клубе бесплатно показывали кино. Народу набилось — страсть. Те, кто сидел, пришли за три часа. А уж потом остались одни стоячие места. И так в проходах стояли впритирку, а народ все прибывал. Поругиваясь, норовили протиснуться поближе к экрану. Он тоже втиснулся в толпу. Огляделся и впереди себя через несколько голов увидел Стешу. А рядом с ней — Аркадия. То ли из-за тесноты, то ли по своей охоте стояли они тесно прижавшись друг к другу. А потом его рука легла на ее плечо.

Старик до сих пор не мог вспомнить, о чем была картина. С экрана его взгляд постоянно сползал на Стешу и Аркадия.

С этого все и началось. Этим все и закончилось. Хотя не только Петька считал Стешу своей невестой, но и Стеша держала Петьку за своего жениха.

«Эх», — с горечью сказал старик.

Постукивая палочкой по тротуару, он дошел до угла улицы, повернул направо и вошел в переулок. До Стешиного дома оставалось шагов сто.

Она теперь жила в большом отцовском доме одна. Кузнецова Нюрка, дальняя родственница, ходила за ней. Из дома Стеша почти не выходила. Боялась заблудиться. Она ведь еще молодой уехала из поселка. Все позабыла. Где поворачивать надо, где дорогу перейти, через сколько шагов палочкой провести по дощатому забору, чтобы по звуку догадаться, что этот забор и дом за ним твои. Он-то никуда не уезжал. Прожил всю жизнь здесь. Ходит свободно. Каждую кочку знает. Не споткнется. А она... Надо же, чтобы и с ней случилось такое же, как с ним!

Говорят, постарела сильно и стала толстой. Но голос остался прежний, Стешин — глубокий, бархатный. Старик сразу его узнал, как только в первый раз наведялся к ней после разлуки длиной в целую жизнь. Поговорили тогда. Да разве все переговоришь...

Стал старик ходить к Стеше частенько. Гололед да оттепельная слякоть только могли удержать его дома. А сегодня тепло, день светлый, даже он это чувствует. Вот и пошел он к Стеше. Старое не забывается. Опять же рюмочку нальет. А то две. Сама выпьет. Хорошо.

Через сто шагов старик провел палочкой по забору и определил, что дошел до нужного места. Скрипнул калиткой. Поднялся на крыльцо.

Стеша уже по шагам учуяла, что это он, Петька, Петрович. Встретила в дверях.

— Здорово, подруга, — сказал старик, снял шапку и стал топтать ногами, чтобы стряхнуть с валенок невидимый снег.

— Проходи, жених, не споткнись. Нюрка ведро оставила, полы мыла.

Старик звякнул палочкой по ведру, обошел его.

И они сели в горнице за большой круглый стол. Было тепло в доме. И тихо. Тикали часы. Да на кухне из крана редко капала вода.

Положив руки на стол, старик узнал на ощупь знакомую скатерть, плюшевую, с выработанным узором. Потом его руки нашли на столе горячий чайник и две чашки в блюдцах. «Ждала», — подумал старик.

Стали пить чай.

— Капаешь капли-то? Помогает? — спросил старик, затеяв разговор.

— Капаю, да не помогает ни шута. Говорили в Москве, покапаешь после операции с месячишко и будет результат. А где он, результат?!

— Да, осечка вышла. Я думал водить меня будешь, а ты сама... Я бы на операцию не решился. Боязно,— поежился старик.

— Все-то ты боишься,— сказала с укором Стеша своим глубоким бархатным голосом.

В который раз он слышал его, а сердце стариковское опять забилося быстро-быстро. В этот раз оно билось так скоро, что заболело, защемило у старика в груди. К горлу вдруг подкатил комок, и перекрыл этот комок ему дыхание.

— Вот и тогда,— продолжала Стеша,— чего ты испугался? Подумаешь, с Аркашкой любовь крутила. Я, может, тебя позлить хотела, чтобы ты побойчее был. А ты... Ты ведь помнишь, бедовая я была. Любопытно мне было, будет он за мной ухлестывать, Аркадий этот? Поддастся? Поддался. А он не нужен мне был. Тебя-то я долго забыть не могла. Все думала, как живешь здесь, какой стал. Сколько лет прошло! Вот встретились, а увидеться не можем... Ты что молчишь-то? Не пойму я. Стыдно, небось?

В горнице было тихо. Тикали часы. Из крана на кухне редко капала вода. В открытую форточку с прохладным предвесенним воздухом вливалась в горницу песня — «... старинные часы идут...».

Ничего этого и голоса своей Стеши уже не слышал Петрович. Он тихо умер. Руки лежали на столе. Голова свесилась на грудь. Его милая Стеша продолжала рассказывать о своем житье-бытье в Москве. О том, как ждала, не напишет ли ей Петька Петров письмо, как пережила всех своих...

ПИСЬМО НА ФЛЕШКЕ

Разбирая рабочий стол Петра Петровича в нашем издательстве после отъезда его за рубеж, нашел в верхнем ящике среди прочих бумаг и журналов флешку. Дело в том, что Петрович сначала вроде бы поехал погостить к дочери и внуку. Но из отпуска не вернулся. Прошло полгода, потом год. Никаких вестей от него нет. Знали, что жил один. Других каких-либо родственников как будто у него не было. Спросить, что с ним и ждать ли его на службе, тоже не у кого было. Был издан приказ об его увольнении.

Рабочий стол его достался мне. Среди вороха журналов и бумаг с его статьями была флешка. Понимая, что никогда больше не увижу бывшего сослуживца, вставил ее в компьютер, может, найду объяснение его исчезновению. Статьи, фотографии к журналам, расписание рейсов самолетов за рубеж. И письмо.

Мы давно заметили некоторую симпатию, которую Петрович проявлял к одной молодой особе, сотруднице отдела младших редакторов. Она была у него в помощницах. Когда она приходила в наш отдел к нему по делам, наш «дед» расцветал. Говорил громче, шутил, старался быть остроумным. Мы подтрунивали над ним. Он отшучивался — «она не то, что в дочери, во внучки мне годится». Но нам показалось, что и она к нему равнодушна. Это было особенно заметно, когда, разговаривая, они смотрели друг на друга. «Служебный роман»,— шутили мы в отделе.

Вот это письмо.

* * *

«Я на даче. Наслаждаюсь одиночеством, тишиной и физической работой. Где-то скрежещет и шумит на все лады город. Суета, редакционная текучка, газеты, телевизор. От соприкосновения с городской действительностью становлюсь хуже. Раздражения и обиды. Плохое настроение. Порой хандра. Усталость, но не физическая. Ес-

ли бы физическая, спал бы как убитый. Но просыпаешься в шесть, хочешь заснуть и не можешь. Тревожишься мыслями — пустыми, мимолетными, на злобу предстоящего дня.

Все это позади. Там — этот безумный, безумный мир города. Здесь — небо — увидишь и подивишься, как в первый раз, его красоте, глубине, перемене облаков на нем. Порой это целый спектакль. Особенно в ночную грозу. Нет, после нее. Когда отшумит, уйдет куда-то. Там, далеко всполохи зарниц на мгновение высвечивают громады облаков. Силуэты то ли гор, то ли замков. И снова тьма. Через минуту-другую зарница опять охватит полнеба, и на миг явится другая картина. Сидишь на крыльце, любишься небесным спектаклем. Постепенно зарницы становятся тусклее, реже. Потом исчезают. Спектакль закончился, со вздохом сожаления встаешь и идешь спать. И спишь, как младенец. Утром встаешь охотно. Голова легкая. Выходишь в сад. Прохладно. Небо синее. Солнце яркое. В траве россыпь маленьких, с булавочную головку солнц. Поблескивают, переливаются. Ступишь босой ногой в прохладную росную траву, легкий озноб пробежит по телу, сон как рукой снимет.

Пьешь утренний кофе. Неторопливо. Мелкими глотками, потому что спешить некуда и незачем. Напившись «кофию», берешь карты и раскладываешь пасьянс. О, это песня! Целый год ждешь этого момента. В городе в голову не приходит посидеть за картами. Блажь какая-то, непозволительная в суете и занятости. Зато здесь на даче... Карты новенькие, жесткие, привезены из Венеции, потому на «рубашке» фрагмент ботичеллевой Весны. Сначала раскладываешь «косыночку». То есть карты раскладываются треугольником. «Косыночка» капризная девица, потому что большинство карт «рубашкой» вверх. Только с левого края «лицом» вверх. Не знаешь, какая карта откроется. Это разминка. Иногда раз пять разложишь, а все не сходитя. Не дается капризная девица в руки. Если «косынка» сложилась, переходишь к более трудному пасьянсу — «Большое пианино». Все карты лицом вверх, все пятьдесят две перед тобой. Их раскладываешь по четыре в две колонки, между которыми оставляешь небольшое пространство. Перед тобой хаос или поле битвы. Генералы, их подруги, проворные кавалеры и солдаты — прапоры, сержанты, рядовые. Чтобы выиграть битву, надо сложить их так, чтобы они легли по чину и масти в полном порядке. Возникает азарт, желание быстро решить головоломку. Главное, никто и ничто не мешает. Как в далеком детстве, забыв обо всем на свете, строишь замок из песка на реке или вырезаешь на срезанной палочке узор, коптишь над пламенем, потом снимаешь оставшуюся шкурку, и получается трость с черными квадратиками, треугольниками — на загляденье... Убедился — карты дело серьезное. Азарт, так свойственный мне, здесь не годится. Увлечешься, поторопишься, кажется, вот-вот пасьянс сложится. Но нет — промахнулся. Приходится снова раскладывать пятьдесят две карты. Но когда пасьянс сложится, радостно потираешь руки. Радость эту может понять только истинный «пасьянсист». Пасьянс учит быть неторопливым, умерить азарт, голова должны быть холодной, как у банкомёта, когда в банке кругленькая сумма. Пасьянс — не пустое времяпровождение. Учишься из хаоса делать порядок, просчитывать ходы. Так я оправдываю свое увлечение пасьянсом. Сие увлечение привело однажды к травме. Прошлым летом от пасьянса кожица слезла с кончика указательного пальца. Ноготком поддевал карту, когда переворачивал ее или перекладывал на другое место. Потом долго палец не заживал. За все приходится платить. Хотя бы кожицей указательного пальца. Самый трудный пасьянс — галерея. О нем рассказывать не буду, чтобы не утомить Вас.

Днем в синем небе сугробы ослепительно белого снега. Но нет от них прохлады. Солнце печет нещадно. Любое, даже малейшее движение делает тебя мокрым, как мышь. Прячешься в холодок. Когда солнце уйдет за дом, выйдешь в тень, сядешь в

кресло на крыльце. Если сидеть, не шелохнувшись, можно интересные вещи увидеть, творящиеся вокруг. Однажды появилась птица, маленькая, с длинным острым клювом, которым она норовит угодить в раскрытый цветок. Трепещет крылышками, чтобы удержаться у цветка. Ни дать, ни взять колибри, крупнее, конечно, русское. Слета в мою голову попадает слепень. Не рассчитал дистанцию. Ударил, отскочил и атаку больше не возобновлял. За обшивку дома одна за другой влетают и вылетают осы. Там у них гнездо. Оса никогда не нападает первой. Кружит около лица, не ужалит, лишь бы не махать руками и нечаянно или со страху не придавить ее. Тогда держись, непременно отомстит. Маленькая оса падает на белый стол передо мной на крылышки, на «спину». Мечется, суетится, никак не перевернется. Наконец, перевернулась и тотчас улетела прочь. Не стал ей помогать. Сочтет за нападение и, точно, ужалит.

В полуденный зной клонит в сон. Часок «придавить» — милое дело.

Июль адский месяц. Жара, грозы. Громы и молнии. Град застучит по крыше и окнам. Одно такое «светопреставление» застало во время полуденного сна. Вскочил с кровати и не сразу понял, что происходит. Грохот непрерывный, как орудийные залпы. Струи дождя стоят стеной, сделались сумерки. Соседних дач не видно. Ветви деревьев треплются ветром — ни дать ни взять космы танцующих девиц. Ветер гудит. И вдруг все стихло. Понеслась гроза дальше, погромыхая все тише и тише. Какое блаженство выйти из душного дома, где сидел, затаив дыхание от страха, в прохладу и свежесть. Глотнуть полной грудью воздух, который входит в тебя, как белое, только что из холодильника вино.

Отчего люблю одиночество? В это время становишься самым собой. Можно сидеть или лежать и думать или ни о чем не думать. Можно заставлять, а можно и не заставлять себя что-либо делать. Попробуй ничего не делать, когда рядом кто-то чего-то делает, а ты ничего не делаешь. Одиночество это свобода. Свобода делать, что хочешь, а не потому, что надо что-то делать. А свобода необходимое условие для творчества. Любого. Не обязательно «на века». Иногда поражаешься необычности мысли, которая пришла в голову в это время, и которая бы никогда не пришла, будь ты не один. Мысль, пришедшая в одиночестве, крепко сидит в голове. Мысль, посетившая в суете, мелкая, скоротечная, ненадолго удерживается в памяти. И мучительно думаешь потом, о чем, бишь, она была. Золотое время. Когда один, мне не бывает скучно. А еще, будучи один, можно не сдерживать слезы, слушая Бетховена. Или русские романсы. Или Adagio Альбини. Некого стесняться.

Тишина украшение одиночества. И желанное условие для творчества. Мысль в тишине выкристаллизовывается четче, яснее. Ее не заглушит «наружный шум», как написал Тютчев. Не умею напряженно думать «под музыку», тем более под разговоры, и даже в присутствии молчащего рядом человека. Пришла замечательная мысль, не удержишься, вскакиваешь, заходишь по комнате, потирая руки, или воскликнешь от радости — «вот это да!» В присутствии постороннего, даже близкого человека, этого не сделаешь. Сдержишь себя. И мысль, не поддержанная радостной эмоцией, долго не проживет, завянет. Впрочем, мысль капризная штука. Иногда явится, не спросившись, среди шума и разговоров. И может остаться, если подвернется во время под руку бумага и перо. Но как часто осенит, и исчезнет. И не вернется уже никогда. Здесь как в любви. Не угадал, не проявил должного внимания, и потерял то, что, может быть, «составило бы счастье целой жизни».

Тишина, как, впрочем, и одиночество, порой надоедает. Правда, быстрее, чем одиночество. Тогда включаю проигрыватель, ставлю диск. Сегодня так случилось, что первый диск оказался с еврейскими народными песнями. Потом Паваротти с итальянскими. Какая большая разница. Как еврейские песни похожи на русские! Та же печаль, даже тоска, и бесшабашное веселье. Все вперемежку. То слезы выступа-

ют, то хоть в пляс пускайся. Итальянские — ни разу не приходилось в них слышать печаль, тем более тоску. Повороты слушаю, когда хочу зарядиться энергией, поправить настроение, взяться за работу.

Бетховен — любовь моя. С младых лет. В те далекие уже лета нравилось героическое, драматическое в нем. Теперь лирическое, «умственное» - вторая половина из его тридцати с лишним сонат. Особенно 17-я D-minor. Когда в первый раз услышал — дух захватило. Играйте ее, «когда меня не станет». Не кажется ли Вам, что получается, как у Куприна в «Гранатовом браслете»? Похожесть не только в просьбе. Похожесть в сюжете... Так было всегда. Так будет всегда...

Еще люблю дачу за возможность физических всяческих усилий, без которых она немыслима. Люблю поливать огород, цветы. Испытываю при поливе отцовско-материнские чувства: пейте, мои хорошие, истомились от жажды. И они пьют. Ослабевшие стебли выпрямляются, листья заблестят, краски лепестков станут ярче. Уже знаю и помню названия некоторых из них — бархотки, лилии, гортензия — огромный куст, усыпанный белыми шарами, астильбии. Есть еще какие-то, но не помню, какие. Солнце жжет их беспощадно. Солнцу не ведомо чувство жалости. «Светить, и никаких гвоздей ...», — вот его лозунг и — Маяковского. А еще на даче каждое лето надо что-то поправлять, забивать куда-нибудь гвозди, пилить или отпиливать. От этого мышцы становятся упругими, на руках прибавляются венозные жилки. Плечи расправляются. Чувствуешь себя атлетом. Но за зиму опять подвянешь, плечи опустятся, руки ослабеют. Но синие жилки останутся, и будут напоминать о мужской работе, которой нет зимой в городе.

Наступает вечер. Самое поэтично-лирическое время на даче. Хочется музыки, стихов. Берешь книжку в руки, не читается. Смотришь поверх книги и мыслями и мечтами уносишься далеко. И невозможное кажется возможным. Это колдовство какое-то. Отрезвешь только утром, встав ото сна. Но вечером мечтаешь взапуски, всласть.

Солнце ушло за дачи, расположенные на склоне холма выше моего дома. Мы в тени. Но холм напротив через долину одной из малых русских рек с названием русским — Беспута еще освещен неярким вечерним светом заходящего солнца. Склон холма, днем зеленый, становится золотистым. Только вечернее солнце имеет такое свойство — золотить все вокруг. Там, через речку, день еще длится. У нас уже вечер. В вечер жизни переживаемое чувство дорого, бесценнее, чем все, что было в бездумной юности. В юности впереди вся жизнь. Уйдет одно, придет другое. В вечеру другое не придет. Закончится вечер, и наступит сон...

Как хорошо спится на даче. Только на даче бывает абсолютная тишина. Утром просыпаешь под чирикание ранних птиц. В июле это не пенье, как весной, не завлечение подруг для продолжения птичьего рода. В июле это птичьи разговоры, перебранка, уроки выживания для подрастающих птенцов, обсуждение планов для наступающего дня. Я еще в постели; думаю, что принесет мне наступающий день?

PS

Увижу ли когда Вас. Видались мы редко и мельком. Говорили при этих редких встречах об одном, а думали о другом. Видел по Вашим глазам. И Вы, наверное, замечали то же в моих. Даже взгляды свои сдерживали, чтобы кто-нибудь не догадался, о чем они говорят. Не правда ли?

Так хотелось напомнить о себе хотя бы этим письмом. Даже в письме сдерживаю себя. Читайте между строк, и Вы это почувствуете. Но причину тому другая.

Меня угораздило явиться на белый свет давно. Вы — какая несправедливость! — родились совсем недавно. Разница так велика, что подумать страшно. Могу ли я стоять на Вашем пути, заслоняя собою то, что, несомненно, ждет Вас впереди? То, что

обязательно случится? Отнимать у Вас бесценное время, которое проходит, поверьте, слишком быстро? Занимать место, которое уготовано не мне? Вы достойны самого большого счастья.

Спасибо Вам за ласковый взгляд, за слова, которое Вы дважды сказали мне. За то, что благодаря им испытал прилив давно забытых ярких юношеских эмоций.

Не смею позволить себе занимать Ваше время и чувства... «как дай Вам Бог любимой быть другим».

PPS

Все мои попытки послать Вам это письмо по электронной почте не увенчались успехом, увы, из-за моей не слишком тесной дружбы с компьютерной техникой. Не судьба.

PPPS

This letter is a private property of N.K.»

* * *

Вот такое письмо оказалось на флешке.

Через год в одном толстом литературном журнале, издаваемом университетом одного из областных городов, прочел рассказ, и, кажется, что-то понял о причине внезапного исчезновения Петра Петровича. Фамилия автора мне ничего не сказала. Но говорить о своей догадке не буду, письмо сугубо частное, о чем гласит фраза по-английски. Если N.K., кто она, не вызывает сомнений, разрешит, может быть, отдам письмо в тот самый журнал.

Сотрудник отдела младших редакторов Иван Иванов

Маргарита Морданова
(г. Тула)

ПРИТЧИ О СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЕ

Маргарита Морданова — молодая тульская писательница. С отличием окончила Льговский медицинский колледж (Курская область). Работает по специальности в Туле, в системе УФСИН России. Студентка Академии УФСИН. Литературным творчеством начала заниматься в школьные годы. Морданова — автор романа «Возьми мою душу», цикла новелл «Противостояние». Ее стихи печатались в региональной периодике. В «Приокских зорях» публикуется впервые.

НЕ ОБНАЖАЯ ДУШУ

— Ну что ты смотришь на меня? Умоляю, не смотри мне в глаза... Ты единственная, под чьим взглядом я теряюсь.

— Вероятно, это потому, что я знаю твой секрет...

— Я тоже знаю твой! Но ты просто отводишь глаза, когда я пытаюсь делать то, что ты сейчас...

— Вы, мужчины, такие примитивные... Простые решения всегда лежат на поверхности! Подумай сам, зачем мне обнажать перед тобой «зеркало своей души»?!

— Да, власть над миром теряет весь смысл, как только я встречаю тебя...

— Милый, так, может, ты спишишь рога, отрежешь хвост, раздвоенный язык и отдашь все это мне вместе с короной правителя мира. Ты все равно не можешь вытерпеть мой взгляд, а значит, я сильнее...

— Ведьма...

Его глаза налились кровью, рука сжала ее талию до боли, а змеиный язык похотливо коснулся белоснежной шеи.

— Помилуйте, сударь! Какая же я ведьма?! Своими проказами вы пытались истребить мне подобных еще лет двести назад — действиями великой инквизиции, но мы выжили... Ну что такого в том, что мы лечим травами, заговариваем хворь и ворожим на крови? Ведьмы сморщенные, страшные старухи со спутанными волосами и зловонным дыханием, а мы — просто женщины...

Она чмокнула воздух около его лба, легко выскочила из мертвых объятий, оседлала метлу, стоящую рядом, и выпорхнула в окно.

На его губах заиграла улыбка, и он произнес куда-то в пустоту:

— Да... Пожалуй, это единственный случай, когда я рад быть пораженным... Поэтому-то тебя и не пускают за алтарь...— И после паузы добавил: — Хотя с чего они взяли, что тебе туда надо?..

«РАДА ЗНАКОМСТВУ, MR. DEVIL!»

Номер отеля встретил ее равнодушной тишиной. Мягкий щелчок магнитным ключом — и зажегся свет. На ходу она скидывала поочередно: обувь, рубашку, ши-

карный комбинезон, штанина которого была залита кровью. Уже в одном белье подошла к зеркалу, взяла с тумбочки сигарету, закурила и только после этого посмотрела в глаза собственному отражению и в сотый раз за эту ночь разрыдалась. Она плакала от боли и горечи. По щекам уже не текла косметика, все смылось еще в первый час ее истерики.

Зарывшись в гостиничное одеяло, она вспоминала день, который должен был стать самым счастливым, но вместо этого принес столько страданий. Сперва был концерт, о котором она мечтала с детства, масса эмоций, сорванный голос, слезы (тогда еще от счастья), но потом, на выходе, какой-то урод толкнул ее так, что она упала и разбила коленку, причем настолько сильно, что, пока шел доктор, асфальт под ногами покрылся бурыми каплями крови, смешанной с пылью. Потом ее отвезли в больницу, и стало еще больнее: кололи заморозку, срезали края раны, накладывали швы... Боль и обида спекались внутри, вытекая наружу слезами...

Дыша ртом из-за отека, вызванного истерикой, всхлипывая все реже, она наконец-то начала погружаться в сон, но даже там ее душили рыдания. Уже были мокрыми волосы, одежда, и, кажется, в балетках тоже хлопали слезы, но она не могла успокоиться.

— Хватит! — раздался рядом голос, и ее руку накрыла чья-то ладонь — красивая, с длинными костлявыми пальцами и проступающими по внешней стороне венами.

Она повернула голову. Перед ней был тот, о встрече с которым она грезила всю жизнь, кого любила, несмотря на то, что совсем его не знала, и о ком думала постоянно, даже в те моменты, когда была не одинока, тот, после чьего выступления она так досадно упала. Он смотрел на нее строго и властно.

— Хватит! — повторил он тем же тоном. — Мне не нужна твоя боль.

— А что тебе нужно?

— Слезы. И их уже достаточно!

— Зачем тебе мои слезы?

Внезапно где-то вдалеке включился огромный экран, на котором замелькал ролик, который она видела вечером перед концертом. Дети, пьющие из лужи грязную воду, родники, начинающие бить прямо у них под ногами, счастливые лица жителей слаборазвитых стран и надпись: «Все средства от тура пойдут на обеспечение питьевой водой жителей стран третьего мира».

— Они не нужны мне! Они нужны им!

— Они пропитаны болью... Зачем им мертвая вода?

— Они пропитаны любовью... — На его лице наконец-то появилась улыбка, а тон стал мягче. — Но она не для них!

— Но иначе их не получишь...

— Кто ты?

Он снова улыбнулся.

— «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Как часто людям приходит в голову истина в первой инстанции, которой они не придают значение... Гете — живой пример.

— Мистер Devil, — впервые за долгое время ее слезы наконец-то высохли, — я никогда не думала, что скажу это, но... Для меня большая честь любить именно вас.

— Ах, как часто я это слышал. И каждый раз — одинаково приятно.

Он обнажил наращенные, отбеленные клыки, вытащил сигареты из кармана жилетки, закурил сам и угостил ее.

— Так значит, дьявол курит “MarlboroMedium”... Брутально...

Следом за сигаретой он протянул ей неясно откуда взявшуюся розу — красивую, с дивным ароматом, на тонкой ножке, усыпанной мелкими, острыми шипами.

— Откуда это?
Она аккуратно взяла цветок, стараясь не поранить пальцы.
— Выросла на том месте, где ты теряла кровь. Вы, люди, такие смешные! Ищете чудеса там, где их нет, не замечая того, что творите сами...
— Она же черная и вся в шипах...
— Детка, ты любишь Дьявола. Она не может быть другой...
— Но я верю в Бога! Хожу в церковь, соблюдаю посты...
— Разве твоя вера пострадала сейчас? Или, возможно, Господь запрещает любить?.. Сегодня ты спасла людей от холеры, засухи и жажды. И не твоя вина, что я воспользовался твоим чувством...
— Наверное, это подло... По отношению ко мне...
— Но тебе же говорили, что я не очень хороший парень...— И он снова обнажил клыки в ослепительной улыбке.— А теперь иди и будь счастлива. Любовь не должна приносить боли...
Его ладонь накрыла ее глаза, а когда он убрал ее, было уже утро. Номер освещал солнечный свет, сквозь приоткрытое окно доносились звуки гудящей столицы. Она встала, подошла все к тому же зеркалу, на тумбочке под ним лежала черная роза с колючей ножкой и пачка “MarlboroMedium”. Она вытащила сигарету, закурила, села в плетеное кресло, выпустила струю дыма и уверенно сказала в пустоту:
— И все-таки я люблю вас, мистер Дэйвил!
Горечи не осталось, боль ушла...

В КОНЦЕ ОСТАНЕТСЯ ЛЮБОВЬ

— Тебе известна самая страшная тайна обо мне, но ты все равно меня любишь... Почему?
— Потому что Любовь — это единственное, что сильнее нас... Когда-нибудь в итоге, после страшного суда, не останется ничего. Только ты, я и наша любовь... Она не спасет и не разрушит мир, она просто останется.
— И тебе все равно, кто я? Ты же знаешь, что я самое страшное на свете...
— Да! Мне совершенно не важно, сколько зла ты сотворил. Я люблю тебя, и это главное!
— И каким ты видишь наш союз?
— Обыкновенно. Свадьба как свадьба... Он — в черном, она — в белом. А то, что у него рога, а у нее крылья... Такая вот она необычная, свадьба эта...
— А я что тогда испытываю к тебе?
— Другую любовь... Телесную... А вместе мы союз — самый прекрасный на свете... И когда на земле никого не останется, смысл жизни станет элементарно прост. Не будет выбора кроме как любить друг друга...
— Знаешь, я больше приветствую разрушение.
— А если тебе нечего разрушать?
— Ты снова ставишь меня в тупик!— улыбнулся он.
— Разрушение невозможно без созидания, созидание невозможно без любви.— Она встала в полный рост и распахнула крылья.
— Так значит, и дети у нас будут?
— Конечно!
— И какими же они будут в нашем противоречивом союзе?— в его тоне появился сарказм. — Крылатые демонята или рогатые ангелочки?
— Просто люди...
И ее победоносная улыбка озарила светом пока еще не до конца разрушенный мир, несмотря на то, что где-то была глубокая ночь.

ЧУЖАЯ ТЕНЬ

- Хочешь посмеяться?
- Давай!
- За мной ходит не моя тень...
- Это как?
- Ну, давай я встану так, чтобы ты ее видел... Так нормально?
- Да... На тебя и впрямь мало похоже...
- Конечно! Ведь у меня крылья...
- А у нее рога...
- Да. И хвост. И раздвоенный язык. А еще она настолько темная, что ее видно даже ночью, несмотря на отсутствие освещения... А еще я чувствую ее дыхание постоянно у себя за спиной...
- В принципе я не удивлен... У меня тоже не моя тень...
- Да?
- Мне кажется, у нее твои крылья...

Людмила Авдеева
(Москва)

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Людмила Евгеньевна Авдеева — член Союза писателей России, Международной федерации журналистов, Российского Союза ветеранов Афганистана. Издано более двадцати книг лирики, книги стихов для детей, поэтическая серия «Восточный калейдоскоп». Серии документальных рассказов публиковались в многотомном издании Академии исторических наук «От солдата до генерала». Произведения малой прозы изданы в альманахах «Русич», «Рассвет над Пушкино». «Разнотравье», Многоголосие», «Куликово поле», в изданиях Культурного представительства посольства ИРИ «Караван» и др. Рассказы разных лет составили авторскую книгу «Времена не выбирают». Лауреат Международных отечественных и зарубежных литературных фестивалей и конкурсов, в том числе им. Ким Ир Сена (КНДР), им. Назыма Хикмета (Турция), золотая медаль «Дивное слово» (Болгария), «Золотая Ника» (Россия), дипломы и знаки отличия афганской диаспоры, юбилейные медали и дипломы СПРФ, в том числе « За вклад в отечественную литературу».

НАСТЕНА

(из цикла рассказов «Женские судьбы»)

На утренний поезд Лариса опоздала. Следующий до Москвы был только через пять часов. «Хочешь насмешить бога, расскажи ему о своих планах»,— вспомнила Лариса, прочитанный где-то афоризм. Планов, действительно, было много. Рассчитывая вернуться из командировки домой к обеду, Лариса собиралась заехать к матери, а от нее успеть на концерт в Рахманиновский зал Консерватории. Теперь же надо было решать, где провести время до поезда. Возвращаться в гостиницу было бессмысленно, а бродить по небольшому провинциальному городку с дорожной сумкой, так же, как и сидеть на вокзале, и того глупее.

И тут Ларису осенило. Она вспомнила, как два года назад, находясь здесь же в командировке, ездила автобусом в соседнюю деревеньку за яблоками. Сухонькую старушку, которая не только продала ей за бесценок антоновку, но и накормила щами, Лариса запомнила хорошо. Даже имя не забыла. Матильда Филипповна. Автобус отходил через двадцать минут, и Лариса успела заскочить в придорожный магазинчик, где нашлась коробка шоколадных конфет и неплохое ванильное печенье.

Через полчаса Лариса уже шла знакомой тропкой. Солнечное августовское утро, наполненное ароматами трав и цветов, вселяло спокойствие, которое нельзя испытать в суетном городе. Лариса сразу узнала третий за поворотом дом, небольшой, деревянный, с длинной застекленной терраской. Но вместо прежнего, завалившегося набок забора, окруженного зарослями длинных лопухов, с которыми престарелой хозяйке уже было не под силу бороться, стоял новый забор, окрашенный в сочный бар-

довый цвет, а возле калитки под кустом цветущего жасмина лежала рыжая кошка и жмурила на непрошеную гостью янтарные глаза.

«Кто-то позаботился о старушке,— с удовольствием подумала Лариса и громко позвала: «Матильда Филипповна». Ответа не последовало, и Лариса открыла калитку. Навстречу ей уже шла, шаркая стоптанными шлепками, женщина в пестром ситцевом халатике и надвинутом на самый лоб цветастом платке. По возрасту и комплекции она напоминала хозяйку, но это была не Матильда Филипповна.

«Это Вы Матильду кличете,— спросила она хмуро, и, не дожидаясь ответа, добавила: — Мотья-то уже год с излишком на небесах молитвы за нас кладет. Теперь я тут хозяйничаю. А ты кто такая будешь?»— заинтересовалась новая хозяйка.

Лариса торопливо рассказала, что была здесь два года назад, покупала яблоки у гостеприимной Матильды Филипповны.

«Мы тоже гостеприимны, не хуже Моти,— с обидой в голосе произнесла женщина.— Я-то подругой ее была, поди, больше полувека. Сродников-то у нее никого не было. Отец после войны года через два помер. Дюже израненный был. Братец меньшей в войну то ли от золотухи, то ли от голодухи помер, а маманя с переживаний болезная была. Мотья за ней всю жизнь ходила-выхаживала. Да, ты проходи, коль приехала»,— спохватилась женщина и потянула Ларису за рукав, продолжая рассказывать: «Когда Мотя померла, какой-то наследник, третья вода на киселе, отыскался аж на Урале. Ну, он приехал дом продавать. А я тогда в городе у дочки жила. Тосковала о земле, хворала. А тут Мотя преставилась, царствие небесное, а дом ее продается. Вот мы с дочкой, недолго думая, и купили его, благо наследник, дай Бог ему здоровья, недорого уступил. Вошел в положение, что внучок весной народился. А деточек надо на воздухе да на фруктах растить. Так что я теперь здесь хозяйка и величают меня Анастасия Ивановна. Можно и просто баба Настена. Я не осерчаю»,— закончила старушка, открывая дверь в комнату.

В доме было чисто и прохладно, но многое изменилось. Не было самотканых половичков. Исчезли железная кровать, а на ее месте стоял добротный большой диван, на котором пасхальными куличами лежали взбитые пуховые подушки в кружевных накидках. Стены были оклеены обоями с мелкими пестрыми цветочками. Но, как и прежде, посредине комнаты стоял большой обеденный стол, да в том же углу висела старинная икона с лампадкой. Цвели на окне и красные герани — гордость прежней хозяйки, но из железных баночек они были пересажены в одинаковые сиреневые пластмассовые горшки.

«Я так понимаю, что до вечера тебе деваться некуда — продолжила беседу Настена, ставя на стол пластмассовый таз с начищенными для консервирования овощами.— Я тут два дня одна колгочусь, консервирую на зиму. Мои детки только в субботу понаедут. Так что давай сочка хлебни, свеженького, из отборных яблочек пароваркой отжала, и мне подсоби. Поработаем, да и поболтаем о жизни. А потом мы с тобой пообедаем, чем бог послал. А поедешь, я и тебе гостинцев соберу».

Конечно, заниматься резкой овощей Ларисе совсем не хотелось, но другого выхода скоротать время до вечера не было, хотя она и попытаться объяснить, что не умеет консервировать. В ответ баба Настена строго и наставительно заметила: «Мой отец всех, кто говорил — не могу, не знаю — называл немогузнайками. И считал, что от них много беды, лживости, бестолковости, лукавства, краснобайства. Вот пословица есть, что ученье свет, а не ученье тьма, а выходит, что те, кто по наукам, в бытовой части неученые и неизвестно еще, кто важнее, кто кормит и поит или кто всякие законы или книжки сочиняет».

Лариса хотела было возразить, но, поймав недовольный взгляд хозяйки, прикусила язык и достала из дорожной сумки конфеты и печенье. «Это я угощу моих, когда приедут»,— сказала деловито Настена, пряча обе упаковки в настенный шкаф-

чик, а перед Ларисой положила остро наточенный нож и две глубокие миски, скорее похожие на тазы, приговаривая: «Глаза боятся, а руки делают, ведь недаром говорится, дело мастера боится. Морковку кружочками режь, а свеклу, хорошо бы звездочками или, на худой конец, квадратиками. Так смотреться будут интереснее, когда на праздник откроешь. Режь и рассказывай, чем в Москве занимаешься».

Лариса, не вдаваясь в подробности, рассказала, что была в командировке, за две недели очень соскучилась о семье, что дочь у нее — студентка университета, а муж — ученый-физик.

«Все-то у вас, образованных, справно,— вроде как с досадой сказала баба Настена, выслушав Ларису.— А мне вот выучиться недосуг было. Мы ведь с Мотей ровесницы. Семилетку как раз в первый военный год закончили, в техникум удумали поступать, а тут война. Мы на ферме работали. Невестились. Парни наши постарше были, их-то на фронт забрали. Матвей-то Мотыкин крепкий был, улыбчивый, да без вести пропал, сгинул с концами, а она всю жизнь ждала, да вот так одинокой сиротливой осинкой с обрубленными ветками всю жизнь на ветру прокачалась. Царствие небесное. И я в молодости была белотелая, а волосы смоляные, густые, косы в кулак толщиной, не то, что сейчас», — заулыбалась Настена своим воспоминаниям, проводя жилистой рукой по жиденькой седой косице, стянутой в тугий узел. «Мой-то Иван возвратился. Письма его с фронта все сохранила. В шкатулочке и сейчас лежат. Там же и бусы храню, что он мне на свадьбу подарил. Там и его орден за участие в штурме Кенигсберга храню. А в письмах мой Иван писал, как фрица бьет и меня любит. Расписались мы с ним в сельсовете. Все чин по чину, дочка родилась».

Но там, в этой Восточной Пруссии мой Ваня страшно в голову ранен был. Операцию ему делали уже после Победы. Осколок-то из черепа выскребли, а какое-то осложнение или заражение началось. Вот, верно, видно, говорят, что кто в мае родился, тот маяться будет. А мы с Мотей обе майские. Оказалась жизнь скупой на счастье. Я схоронила своего любого, провалялась в смертельной тоске, исхудала, но поняла, что не одна я такая, вдовая. Тысячи нас. И за жизнь держаться крепко надо, дочку растить, в люди выводить. У меня-то хоть чадо осталось, а вот у Моти никого. Поняла я, нечего напрасно себе и близким сердце грустью рвать, печалью, как крапивой, жалить, а работать надо, утверждаться трудом, солнышко в сердце иметь, утешение в детях и внуках искать. Так и прожила свой век и не заметила, как загостилась. А уходить с земли все еще не хочется».

Слушая Настену, Лариса и не заметила, как нарезала полные миски овощей, а хозяйка успела наполнить трехлитровые банки огурцами и помидорами. Прервав свой рассказ, Анастасия Ивановна отправилась на кухню, заливать овощи рассолом, велев Ларисе убрать все со стола к обеду. Вернулась она минут через двадцать, неся пластмассовый поднос, на котором стояла глубокая тарелка с рассыпчатой горячей картошкой и ароматной селедкой, порезанной на аккуратные кусочки. На тарелке поменьше лежали пузатенькие помидоры, а в просторной миске — квашенная капуста и малосольные огурчики, покрытые зеленым лучком и укропом. «Чем бог послал, перекусим, а бог посылает то, что сам сделал,— говорила Настена, ставя угощение на стол.— Вот мои родители добрые были хозяева. В кадках запасы делали. Не только огурцы да белую капусту солили. Рыбу солили в селитре. Отец сам ловил. А какой густой красный квас готовили и пиво сами наваривали. В хозяйстве до войны две пары гусей было, пяток уток при селезне, кур держали, хряка. А теперь в деревне разве у кого куры топчутся, а так пусто». И, как будто что-то вспомнив, повернулась к настенному шкафчику, в который убрала Ларисины сладости, и достала объемный стеклянный кувшинчик. «Вишневочка молодая, густая, добротная. У меня и яблочная шипучка есть и рябиновый ликер. Все своими рученьками. Никто лучше не выполнит, чем сама. Без подвоха. Это в городе подвоха не избежать. Всюду химия. У вас даже чай дурен. А у меня тра-

вушки-муравушки». И она разлила рубиновое вино прямо в большие фарфоровые белые чашки. «Люблю я белую посуду или с легким голубым узором,— приговаривала Настена, любуясь своими чашками.— Это у нас сервиз семейный был на двенадцать ртов. Модный такой. Да побились и тарелочки, и чайничек».

В комнату вошла рыжая кошка, потерлась о Ларисины ноги и развалилась около дивана. «Это Мотино наследство. Рыжуха ее утехой была, ее лекаршей,— вздохнула старуха.— Станет Моте плоховато, она приляжет, а Рыжуха с ней рядышком мурлычет. Боль и отступит. Нам же, деревенским, болеть недосуг. Здесь хороших лекарств купить негде. Но я тебе скажу откровенно, бойся заморских лекарств. Они сплошь вредные и бесполезные. Лучшее лекарство — поголодать днем, а на закате солнышка съесть пустой кашки. У нас кто из старух заболит, то первый день отлеживается на мягкой постели, травки завариваем, а на второй уже можно похлебку пожевать, а потом на воздух. Здоровье — это воздух, питье и верная еда. Поэтому я и вернулась в деревню и дом Мотин купила, и мои родные с радостью теперь едут сюда, а раньше фыркали, городом хвалились. Теперь, слава богу, поняли, как тут жить благодетельно».

Лариса слушала старушку молча, иногда поддакивая, и с удовольствием ела рассыпчатую картошку, покрошив сверху ароматный укроп. Потом пили чай из зверобоя с душицей с яблочным пирогом, который то ли был приготовлен заранее, то ли хозяйка знала какой-то секрет быстрого изготовления вкусного легкого, похожего на воздушное пирожное, пирога.

Жаркий августовский день клонился к вечеру. Лариса засобиравалась. «Может, останешься, переночуешь?»— спросила баба Настена, продолжая засовывать в дорожную сумку пакеты с овощами и яблоками, баночки с вареньем и маринадами. «Да нет, спасибо, поеду. Меня уже заждались дома,— отвечала Лариса, вытаскивая дары из сумки.— Мне же не дотащить столько». Но баба Настена настойчиво возвращала банки назад, повторяя, что эти ее лакомства пригодятся к Рождеству.

Вместе дошли до автобуса, и баба Настена, вдруг неожиданно расчувствовавшись, обняла Ларису и зашептала: «Ты заезжай на другой год. Коли жива буду, приму. А еще скажу тебе, а ты поверь старухе, что на постоянство судьбы надеяться нельзя. Бог нас водит. Как отец говаривал, бог наш генерал. Дерево валится, и мы не бессмертны, поэтому и надо дело делать, а не тянуть жизнь попусту, как резину, чтоб людям и самой утешение было, и солнышко в сердце чуялось,— и добавила, уже громко, когда Лариса махнула ей рукой из автобуса: — Небось, в Москве все, что говорили, забудешь или еще и посмеешься, вспомнив бабку Настену».

К поезду Лариса успела вовремя. Попутчик поставил ее большую дорожную сумку на верхнюю полку и, желая продолжить знакомство, поинтересовался, что такое тяжелое может вести такая хрупкая женщина. Не получив ответа, через некоторое время он предложил принести чая. Лариса только отрицательно покачала головой. «Вы удивительно разговорчивы»,— опять попытался пошутить мужчина, но Лариса снова не отреагировала. Всю дорогу до Москвы она думала о том, надолго ли благосклонна к ней судьба, в чем ее, Ларисино, утешение и можно ли ее жизнь назвать благодетельной, приносящей кому-то утешение и зажигающей в сердце солнышко.

ПРОДАЕТСЯ ДОМ В ДЕРЕВНЕ

На автобусной остановке всегда висело много объявлений, на которые Нина никогда не обращала внимания. Но это, написанное красным цветным карандашом неровными печатными буквами на тетрадном листочке в клеточку, ее невольно привлекло. «Продаю срочно старый дом в деревне. Деревня хорошая. Есть лес с грибами. Спросить деда Василия». Дальше была указана станция и название деревни. «Кто

же поедет к этому дедушке за котом в мешке. Сколько комнат в этом доме не указал. Какой у него участок, неизвестно. Да и номер телефона не написан»,— усмехалась Нина, садясь в автобус.

В воскресенье Нинина мама с утра собралась отвести пятилетнего внука к родителям погибшего в геологической экспедиции Нининого мужа.

«Соскучились они о мальчонке. Души в нем не чают. Вылитый отец растет. Посидим, поговорим по душам, чайку попьем. Недаром же я пирогов вчера напекла. Порадуем своим визитом одиноких стариков»,— приговаривала она, собирая сумку.

При слове «стариков», Нина как-то невольно вспомнила подпись под объявлением: «Спросить деда Василия». «Вот тоже одинокий старик сидит в своей деревне и ждет, кто его старый дом купит»,— подумала Нина, и у нее молниеносно созрел план. «Я, тоже вернусь поздно»,— предупредила она, на всякий случай, мать. А та и не стала спрашивать, куда собирается дочь, надеясь, что, наконец-то, ее Нина согласилась пойти на свидание с достойным человеком.

Овдовевшей Нине было всего тридцать два, и свекровь со свекром не возражали, чтобы она устроила свою судьбу, а мама Нины только об этом и мечтала. Но Нина была равнодушна к тем, кто пытался за ней ухаживать, и проводила выходные за домашними делами, чтением, да изредка выбиралась в театр или на концерт с подружкой по институту.

...Деревня находилась недалеко от станции. Улица, на которой продавался дом, называлась Сосновая Аллея, но росли на ней одни липы, источавшие дурманящий аромат. О деде Василии Нина решила узнать в первом же доме. «Неужели покупать решили эту развалюху,— удивилась сухонькая старушка, срезавшая, видимо, на продажу цветы в палисаднике.— Не советую. Дому-то сто лет. Это еще отец Василий ставил, а сейчас Василию за восемьдесят. Он на десяток лет меня старше. Ему даже повоевать пришлось. Вообще то он человек хороший, образованный. Но после смерти Алены, жены Васиной, запущено у него на участке. Он даже яблоки не собирает. А год-то урожайный. Василий ведь и дочь пережил. А внука за иностранцем замужем, за немцем. Он этих фрицев, бил на фронте, а она за немца выскочила и теперь его к себе забрать хочет в Неметчину».

Старушка была настроена на долгий разговор, но Нина, узнав, где расположен дом деда Василия, поблагодарив, направилась по адресу. Покупать дом она не собиралась и даже не понимала до конца, что ею руководило, когда она решила ехать в эту деревню — любопытство или жалость к старому одинокому человеку. Но через пять минут она уже входила на заросший крапивой и репейником участок.

На открытой террасе сидел грузный лысоватый человек с редкой седой бородкой, в старом шерстяном свитере и читал. Увидев Нину, он поднялся, отложил книгу, снял очки и протянул руку: «Василий Васильевич, домовладелец. А вы покупательница. Как величать прикажите?»

Нина успела только назвать свое имя, как мужчина, несколько суетливо, взяв ее за локоть, провел в просторную комнату, усадил на тахту, а сам начал доставать чашки из старенького серванта: «Сначала чаек с дороги. У меня есть колбаска и житный хлебушек. Любите житный? В чаек можно яблочек покрошить. Вон они в саду осыпаются. Воды яблоням не хватает. Я ведь, старый пень, за водой к колонке только для себя, эгоиста, хожу. Ведро наберу, мне и хватит». Нина хотела возразить, что выбралась ненадолго и обойдется без чая, но Василий Васильевич уже резал колбасу, намазывал маслом хлеб и довольный, что появился неожиданный собеседник, даже что-то напевал. «Ну-с, голубушка, прошу к столу. Чайку попьем и побеседуем. Жизнь она и есть жизнь. У каждого свои радости и печали. Да и разочарований хватает. Вот мы, военное поколение, как в песне поется, славные застали времена. Исторические времена, когда была у нас великая Родина. А теперь у вас молодых много Америки, да мало России.

Все деньги решают. А разум и богатство искать надо в народе. Не так ли, голубушка?». «Так»,— подтвердила Нина, чувствуя все большее расположение к этому человеку, искавшему в ней понимания и сочувствия. Вспомнив, что взяла с собой мамыны пирожки, Нина достала из сумки пакет. «Домашние пирожки!— обрадовался дед Василий.— Вот радость доставили. Давно не ел домашних. Моя Алена, царствие ей небесное, такие пироги и пампушечки делала. Пальчики не только оближешь, но и проглотишь. Умница была, обаятельная женщина, гостеприимная. Однокурсница моя. Сорок лет прожили душа в душу, хотя и ссорились тоже от души».

Дед Василий, погрузнев, замолчал на минуту, а потом начал рассказывать Нине, как окончил училище связи и попал на передовую. Обслуживал связь командира дивизиона. «Провод приходилось тянуть под прямым огнем врага,— рассказывал задумчиво Василий Васильевич.— Получил осколок в грудь. Чудовищная боль была. Одежда кровью пропиталась. В госпитале валялся долго. А после войны в педагогический поступил и Алену встретил. Вместе с ней в школе работали больше тридцати лет. Она литературу, я историю преподавали. А потом, как рушиться все стало, понял, что я чернить славные времена не смогу. Ностальгия у меня по тем годам. Ушел, в четырех стенах заперся, хозяйством занялся. Дом отцовский подлатал. А по телевизору смотрел да по приемнику слушал, что в стране творится. И переживал, что ничего не в силах изменить. На войне-то все ясно было. Вот он враг. А тут свои же все разваливают, страну гробят. А потом начались семейные печали, и горе пришло. Дочь насмерть машина сбила. Жена с инсультом слегла, да и не оправилась. За дочерью отправилась на небеса. Внучка оставалась. Выучилась, переводчицей работать стала, да замуж и выскочила. И за кого, ты думаешь? За немца. А для меня они все фрицы. Понимаю, что неправильно рассуждаю, а вот ничего поделаться не могу. Может, и правда, ее немец — хороший мужик. У них уже двое пацанов народилось. А теперь внучка моя, Ольга, желала, чтобы я дом продал и к ним ехал жить. Им-то этот дом не нужен, она даже пишет, бросай, дед, дом. А я в душе не хочу ехать. Иное там и солнце, и небо. Но я хочу быть кому-то нужным, необходимым. А там все-таки кровь родная и во внучке, и в правнуках течет. А помру — Ольга обещает вместе с Аленой положить на родной земле. Вот я и попросил одного из местных, когда в Москву на рынок с товаром поедет, написать объявление о продаже да где-нибудь на видном месте повесить. Он где-то на остановке автобусной прилепил, говорит, на клей «Момент» для крепости. А никто не едет. Ты первая. Допивай чай и пойдем, голубушка, владения посмотреть».

Нина уже собралась сказать, что приехала по какому-то наитию, что у нее на покупку дома денег нет, от зарплаты до зарплаты живут. Но она встала и послушно пошла за Василием Васильевичем по дощатым скрипучим полам узкого коридорчика.

«Сейчас как отношения у людей строятся. Выгодно купить — выгодно продать. Одним не до жиру, быть бы живу, а другие жируют, деньги на ветер бросают. Им, этим олигархам, ветер затем и нужен, чтобы на него деньги бросать,— шутил старик.— А в этом доме вся жизнь моих отца и матери прошла, моя и жены, дочки нашей, и для меня этому дому цены нет, но тебе продам за сколько дашь. Вон у тебя сынок, а здесь свежий воздух, лес, река. Хорошо отдохнуть и тебе можно, и мамаше твоей. Ведь это раньше всей семьей в отпуск на самолете к морю могли полететь, а теперь деньги немаленькие нужны. А судьбу свою устроишь, и мужские руки приложатся на участке поработать, землю вскопать, картошку посадить»,— говорил Василий Васильевич, показывая Нине вторую небольшую комнатку и узкую кухоньку с облупившимся потолком, трещинами на стенах. «Газ провел, когда еще жена и дочь живы были. Сейчас бы уже не потянул»,— рассказывал дед Василий, поглаживая ладонью выцветшую, некогда голубую клеенку на узеньком столе.

«Участок тоже хороший, если сорняки убрать,— продолжал Василий Васильевич, выводя Нину на улицу.— Сорняков теперь много и среди людей развелось. А ты моло-

дая, крепкая. Цветочков посадишь, клубничку разведешь, как бывало моя Алена. Ну, как сговоримся? Сколько тебе за мое поместье не жалко?» Нина чувствовала, что краснеет. Ей казалось, что она обманула ожидания старого человека, которому приходится уезжать в чужую страну и хочется передать в добрые руки свое фамильное гнездо.

«А зачем Вам, Василий Васильевич, уезжать, если Вы не хотите? Оставайтесь. Вы еще крепкий мужчина. А я у Вас буду на все лето снимать одну комнату. Маму с сыном привезу. На аренду у меня денег хватит, да и Вы недорого, думаю, возьмете. Мама Вам пирожки домашние будет печь, борщи готовить. Участок в порядок приведем, овощей посадим, варенья на зиму и для вас, и себе наварим. А на зиму поедете к внучке в гости. На дорогу как раз денег наберете», — выложила она неожиданно родившийся план. «Ну, придумала же, голубушка, — не рассердился, а обрадовался Василий Васильевич. — Вот я, старый пень, и не подумал, что можно найти на лето добрую душу. Да у нас уже весной хорошо, а осень так вообще золотая. Твой малец-то пока в школу не ходит, может с твоей мамашей здесь вообще с мая жить, а ты на выходные наезжать будешь. Согласен, рассмотрим, как вариант. А пока яблочек набери, и я тебя провожу до вокзала. Как раз к восьмичасовой электричке успеешь. А то вон комары разлетались. Из простых людей не хуже олигархов кровь пососать норовят».

Нина оставила Василию Васильевичу номера домашнего, рабочего и мобильного телефонов, и он обещал позвонить ей на неделе при любом решении. Вернувшись домой с полной сумкой яблок, Нина соврала матери, что была у хорошей знакомой, и ничего не рассказала о Василии Васильевиче. Ей хотелось дождаться его звонка и тогда обрадовать мать, что они с Димкой смогут остаток лета и даже осень, если будет тепло, провести в деревне, на свежем воздухе. Всю неделю, Нина ждала звонка, надеялась и позже, что Василий Васильевич позвонит.

...В конце октября, Нину пригласила одна из сотрудниц на день рождения, который отмечали на даче. Дача находилась на две остановки дальше, чем деревня деда Василия. И Нина, выехав пораньше, решила заехать по знакомому адресу. На месте дома деда Василия полным ходом шло строительство. Коттедж, замысловатый по форме, уже достиг второго этажа. И его можно было видеть из-за высокого каменного забора. О Василии Васильевиче рабочие ничего не знали. Нина в недоумении брела назад, когда столкнулась с той самой говорливой старушкой, что в июне указала ей, где продается дом.

«Ты, — неожиданно узнала старушка Нину, — к деду Василию, что ли прикатила? А его в Неметчину угнали, как у нас тут шутят мужики. Он надумал летом кому-то дом сдавать и к внучке не ехать. — Старушка вдруг внимательно посмотрела на Нину. — Не тебе ли? А внучка, как узнала, сама прикатила. Фрау Ольга она теперь. Сразу же нашла какого-то молодца с тугим кошельком. Он говорят, хорошие деньги отвалил, быстренько все оформили, собрали нашего деда Василия и в самолет на Неметчину. Ольга сказала, что ему там хорошо будет. Дом у них большой, комнату ему выделяют, будет с правнуками играть. А помрет, сюда привезут, его последнюю волю исполнят. С Аленой положат. Но никто в это у нас не верит. Писать обещал, но пока молчит, хотя второй месяц пошел».

На следующий день после работы, ожидая автобус, Нина среди новых объявлений, заметила знакомый тетрадный листочек в клеточку. Его, видимо, кто-то пытался сорвать, но друг деда Василия клея не пожалел, и на оставшемся бумажном клочке, можно было прочесть, написанные красным цветным карандашом три слова, похожие на текст телеграммы: «срочно... спросить деда». Но Нина уже знала, что никогда и ни о чем не сможет спросить деда Василия.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ДЫРКА В ГОЛОВЕ

Отец — постаревший, с сероватым цветом лица, но живой встретил Василия у дверей квартиры. И они пошли вместе искать какую-то забытую вещь. Когда отец повернулся к нему левым боком (Василий вздрогнул), на его виске, возле мочки уха зияла, чернела глубокая, проникающая в кость рана, похожая на дыру.

— Папа, ты же ранен!?!— вскричал встревоженный сын.

Отец грустно улыбнулся:

— Ничего, заживет...

После такого тревожного сна Василий Петрович Нечитайло — профессор местного университета, очнулся в холодном поту. В спальне нависла тишина и сумрак. Жена сладко сопела на кровати рядом. Посмотрел на светящийся циферблат будильника на тумбочке — стрелки показывали полседьмого.

«Все равно не усну»,— грустно решил профессор. И, стараясь не шуметь, выскользнул из под теплого одеяла на прохладный пол. Прошел привычно на кухню, выпил полстакана холодной воды, включил электрочайник. Прошел в ванную комнату, начал бриться перед квадратным зеркалом. Мрачный сон не лез у него из головы. Увидеть отца, ушедшего из жизни более десяти лет тому назад, да с черной дырой в голове — к чему бы это?

Занятый невеселыми мыслями Нечитайло как-то неаккуратно, под углом повернул бритвенный прибор,— и порезался. Брызнула струйка крови, долго не останавливалось кровотечение — наконец ранка затромбировалась, оставив на щеке неровную подсохшую корочку.

— Вот тебе сон в руку... Придется идти на работу с обезображенным лицом... Попробуй, докажи кому-нибудь, что порезался во время бритья, а не жена вонзилась за все хорошее в припадке чувств...— почти тоскливо подумал Василий Петрович, обрабатывая рану ватным тампоном, смоченным одеколоном.

Через несколько минут, позавтракав вчерашним бутербродом с чаем, в полутемной прихожей он своим ключом открыл входную дверь, наклонился, чтобы взять свой потертый, толстый от бумаг портфель, и заметил рядом с ним на полу плотно наполненный целлофановый пакет с торчащей из него пустой бутылкой.

— Видимо, пакет с мусором жена с вечера приготовила на выброс,— решил Нечитайло и, подхватив вместе с портфелем и пакет, стараясь не шуметь, аккуратно закрыл за собой на замок входную дверь в квартиру снаружи.

На улице, перед тем как спуститься через тамбур дверей подземной автостоянки, выбросил по пути коричневый пакет с мусором в самый центр большого мусорного контейнера во дворе. От удара пакет стеклянно звякнул при приземлении в контейнер...

На работе Василий Петрович попытался включить ноутбук, чтобы прочитать утреннюю почту, поступившую через Интернет. Но экран компьютера непонятно зами-

гал... и погас! Нечитайло попробовал, как мог, запустить интернет, но все попытки оказались тщетны — экран оставался мертвенно черным.

— Да, видно, все из-за этого зловещего сна!— с досадой подумал профессор.

В это мгновение задребезжал его сотовый телефон в кармане халата. Василий Петрович раздраженно ответил в трубку:

— Да, слушаю вас!

— Вася!— голос жены в сотовом звенел от напряжения.— Вася, ты случайно не видел коричневый целлофановый пакет с обувью, которую Света оставила вчера у меня, попросив сдать в ремонт в мастерскую возле нашего дома? Так как в Москве это дороже стоит!?

— Да, я взял какой-то пакет, решив, что он с мусором... Из него еще бутылка пустая торчала...— растерянно начал объяснять профессор.

— Да, в нем Света забыла пустую бутылку из под кваса... Так, что ты с ним сделал!?!— в голосе жены явно зазвенели металлические нотки, не предвещавшие ничего хорошего.

— Что я сделал? Выбросил этот пакет в мусорный контейнер...— ответил Василий Петрович.

— Как ты мог?! Там было три пары обуви!..— и жена рассержено выключила телефон.

— Вот черт, действительно, дырка в голове у меня появилась!— лихорадочные мысли виновности закрутились в мозгу профессора.

Он поглядел на часы — можно было, отложив все дела, доехать до дома — и поискать злосчастный пакет с обувью в мусорном контейнере. Контейнер опустошала мусоросборочная машина с 11 до 13 часов ежедневно. Сейчас на часах было десять тридцать...

Нечитайло предупредил старшего лаборанта кафедры, что ему нужно срочно захватить домой, и через пару минут на предельной скорости, срезая свой путь по проулкам, мчался к дому.

На крыльце его уже поджидала рассерженная жена со стремянкой в руках. Василий Петрович почти вырвал из ее рук лестницу и, спеша, понесся с ней через двор к мусорному контейнеру.

Приставил стремянку к грязному металлическому борту контейнера. Пошатываясь, неуклюже взобрался по лестнице на кручу груды мусора.

Коричневого целлофанового пакета с обувью не увидел, начал сначала перекладывать, а затем перебрасывать под ворчание подошедшей жены вонючие пакеты с мусором.

Чертыхаясь, перебрал почти все грязное содержимое контейнера... Спустя минут двадцать понял, что его поиски тщетны — пакет с обувью исчез бесследно!

Из оцарапанной в запале поисков ладони руки лилась кровь, ноздри носа раздражали гадкие запахи, исходившие от помойки...

— Все, больше не могу... Видно, кто-то из бомжей с утра опередил нас!— с трудом спускаясь с верхотуры, грустно констатировал Нечитайло, грязными, окровавленными руками начав складывать стремянку.— Бесполезно продолжать поиски...

— Ладно, Вася, в конце концов, это всего лишь обувь,— примирительно согласилась и жена. И они ни с чем поплелись к своему подъезду.

Студент пятого курса лечебного факультета местного университета Гена Косякин был зол на профессора Нечитайло за то, что тот отловил его со списыванием с сотового на экзамене и поставил двойку.

Генка жил по соседству с домом профессора, в том же дворе, и часто из окна своей

трехкомнатной квартиры, купленной на деньги пахана, успешно распиливающего госбюджетные деньги в структуре местного Росгазнефтепрома, наблюдал, как полноватый, несколько неуклюжий Нечитайло прогуливался недалеко с работы или на работу.

Вот и сегодня Генка — рыжий, лохматый со сна, очнулся поутру поздно, с головной болью после вчерашнего похода в ночной клуб.

Опохмелился с удовольствием бутылкой пива, найденной в холодильнике на кухне, посмотрел в окно, и — чуть не подпрыгнул от увиденного!

Возле мусорного контейнера во дворе разглядел ненавистного профессора Нечитайло, яростно роящегося в отходах!

Озарение просветило затуманенный мозг Косякина мгновенно! Трясущимися от еще не ушедшего до конца похмелья руками он оперативно включил японскую видеокамеру и, выйдя на балкон, стал снимать на нее все происходившее у мусоросборника, ехидно похихикивая в душе: «Видно, наш профессор стал добывать себе на пропитание, отбирая хлеб у местных бичей! Занятно...»

В этот день с Нечитайло произошло еще несколько неприятностей. Он забыл пластиковую карточку возле банкомата, где снимал деньги. Достаточно быстро поняв свою оплошность, вернулся обратно в банк — но оставленная им карточка исчезла бесследно. Пока он безуспешно расспрашивал о пропаже сотрудников банка — неизвестная, скрывающаяся машина зацепила его припаркованный автомобиль, оставив на дверце большую вмятину...

Поздно вечером, опустошенно наблюдая за очередным тупым телесериалом про врачей-убийц в зале своей квартиры, услышал телефонный звонок. Побеспокоил старый приятель:

— Вася, ты смотрел сегодня местные интернетовские «Баранки»? Посмотри! Только не волнуйся... Какой-то гад выложил там видеосюжет под названием «Профессора, доведенные до отчаяния унижительными зарплатами, собирают объедки на помойках»...

Нечитайло вместе с женой, успокоившейся по поводу пропажи обуви, включил компьютер, вошел в Интернет и на местном портале «Баранки», где регулярно озвучивались всякие сплетни и гадости, увидел отснятую сцену, как он копается в мусорном контейнере в поисках пропажи с непотребными комментариями в свой адрес.

Лицо жены, наблюдавшей все это несколько первых минут оставалось непроницаемо, а затем она сначала как будто чем-то поперхнулась, весело посмотрела на Василия Петровича — и они через мгновение уже тряслись оба от неудержимого смеха:

— Как ты славно смотришься в этом амплуа, Вася!.. Пора завязывать с этой преподавательской деятельностью! Ты — классический бомж, а не профессор!

— Ха, ха, ха! Представляешь, как меня завтра вызовут за разъяснениями к декану, а то и к ректору! Ха, ха, ха! Что я им объясню?! Кто поверит, что я пытался найти выброшенную по ошибке кошелку с обувью!

— Ну, потеха!.. Консьержка из нашего подъезда рассказала мне, что видела какого-то рыжего парня, который снимал нас на видеокамеру со своего балкона в соседнем доме! Ха, ха, ха! — тряслась неистово жена, чуть не падая со стула.

— А, так это же двоечник Косякин с пятого курса там живет! Я ему позавчера пару влепил на экзамене! Вот в нем и проснулся операторский талант!.. Ха, ха, ха! — догадался Нечитайло.

— А, когда ему к тебе на передачу экзамена приходится?! Ха, ха, ха!..

— Передача назначена через две недели! Ха, ха, ха! Пообщаемся с ним, поверь, душевно!

Роза Нарышкина

(г. Алексин)

ПИСЬМО В ПРОШЛОЕ

По профессии учитель русского языка и литературы. Автор двух поэтических сборников, участник алексинских и тульских изданий. Лауреат I фестиваля поэзии и бардовской песни в городе Алексине (2002 г.). Готовит к изданию третий сборник стихов; пишет рассказы, являясь активным участником журнала «Приокские зори».

*А память точит сердце вновь
и не дает покоя...*

Бег времени неумолим. Я знаю, я это чувствую всю свою жизнь. А еще я знаю, ты есть, в твоём окне все еще горит неугасимый свет. Ты не можешь бесследно исчезнуть, потому что очень любил всегда жизнь. Эта любовь жила в твоих глазах, ярких и пронзительно-веселых, в твоих крепких объятиях, в твоей улыбке, теплой и ласковой, в зажигательном смехе. Помнишь нашу первую, нечаянную встречу на берегу маленького озера, куда мы вышли прогуляться после праздничного застолья? Мы были не одни, с нами шли и пели «Подмосковные вечера» милые и добрые соседи. Было лето. Наступили сумерки, луна разбросала холодные свои лучи, освещая наши счастливые лица, и мы отчего-то много смеялись...

Неожиданно я почувствовала легкое прикосновение чьей-то руки (несомненно, мужской), пронзившее мое худенькое плечо, выбившееся из глубокого выреза шелкового платья. Оглянувшись, я встретила взгляд темных цыганских глаз. Я не сопротивлялась, мне было приятно... Отчего вдруг?

На другой день (по твоей просьбе) мы встретились в центре города, у домика лебедей, на узком мостике. Сердце трепетало от близости, ты подошел ко мне и впервые, глядя в глаза, сказал: «Теперь я счастлив. У меня есть ты!» Потом мы поехали в парк, что почти за чертой Риги, такой большой, что можно затеряться, и решили подкрепиться. Мы сидели в маленьком кафе, слушая мелодию любви, звучащую в наших сердцах, и, робко разглядывая друг друга, еще не понимали, что ждет нас впереди. Знали только одно: это был зов любви, захвативший наши души настолько, что не было пути назад. Два года встреч, счастливых встреч. Мы еще не осознавали, что будет с нашей любовью, но неумолимая разлука пришла, потому что оставались дома те, кто дорожил каждым из нас. Мы должны были отдать в жертву нашу любовь, ради близких, и мы сделали это. Помнишь прощальный вечер в «Таллине»? Нам было грустно, очень печально, вместе с нами плакала наша Любовь — мы убивали ее. А потом, взявшись за руки, шли через длинный мост, протянувшийся над Даугавой, и молчали, молчали от сердечной боли. Остановившись на один миг, обняв меня за худенькие плечи, ты сказал: «Ты меня не забудешь. Я знаю».

Прошло много лет, а мое сердце тихо стонет от воспоминаний... Жив ли ты? Если встречаешь новую зарю, — отзовись! Отзовись, дорогой мой человек!

Лилия Агадулина
(г. Москва)

КАКАЯ КРАСИВАЯ НОЧЬ

Несмотря на позднюю осень, день на удивление выдался теплый. Настроение у Насти было прекрасное. Сегодня ей вручили писательский билет. Она уже достала мобильный телефон, чтобы позвонить сестре и сообщить ей приятную новость, как вдруг ее кто-то окликнул. На другой стороне улицы, возле ЦДЛ, стоял Вовка.

Настя как никогда почему-то очень обрадовалась этой встрече, хотя виделись они и так довольно часто, так как оба учились в институте имени Горького на ВЛК. Вовка давно ухаживал за ней. Об этом знали уже многие вэлкашники, но Настя как-то все сторонилась его. Во-первых, он намного был старше ее, а потом поговаривали, что он большой любитель выпить.

— Вот, зашел за газетами,— сказал Вовка.

Настя радостно рассмеялась:

— Ты представляешь, ты даже не представляешь, какой у меня сегодня день.— И, достав из сумочки красную корочку писательского билета, повертела у него под носом.

— Ого, да тебя можно поздравить! Дай я тебя обниму. В нашем полку прибыло. Это дело надо обязательно отметить, обязательно.

Настя сегодня была так счастлива, что с легкостью согласилась. Решили поехать к ней. По дороге, в переходе метро, купили бутылку коньяка. Дома Настя быстро приготовила легкую закуску. Писательский билет красовался в вазочке с конфетами.

После первой рюмки они, перебивая друг друга, читали стихи своих любимых поэтов. А после второй рюмки поняли, что просто нашли друг друга и что они — родные души. И все, наверное, и было бы хорошо, если бы Насте вдруг не стало плохо.

— Что-то мне нехорошо,— вдруг побледнев, сказала она и побежала в ванную. Вышла оттуда совсем бледная.

— Извини,— сказала она.— Пойду, прилягу. Нехорошо мне что-то.

Настя легла на кровать. Вовка бережно накрыл ее одеялом, тщательно подоткнув его, как это делают маленьким детям, приговаривая при этом:

— Отдохни, дорогая, тебе надо отдохнуть, я не буду тебе мешать.— И ушел на кухню, прикрыв дверь.

И Настя уснула. Надолго ли, она не поняла, как вдруг, словно что-то почувствовав, открыла глаза, и — о Боже,— перед ней стоял Вовка, почти голый, в одних трусах.

— Здрасьте, я ваша тетя,— удивленно воскликнула Настя и, неловко взмахнув руками, свалилась с узкой кровати на пол, сильно ударившись головой об острую декоративную ручку комода. Громко вскрикнув и кое-как освободившись от одеяла, она схватилась руками за голову.

Вовка подбежал к ней, стал поднимать, целуя ее. Она же кричала:
— Отойди от меня! Ты что, дурак что ли? Не видишь?— И, отняв руку от головы, показала свою ладонь, с которой капала на пол ярко-алая кровь.— «Скорую» вызывай!

— Ты что? Какую «скорую»?— твердил он.

— Дай мне телефон,— требовала Настя.

Вовка подал ей телефонную трубку, все продолжая твердить:

— Зачем «скорую»?..

«Ох,— подумала Настя.— Наверное, коньяк был левый».

Бригада «скорой помощи» приехала быстро. Стали расспрашивать, как это все случилось. Настя честно и подробно все рассказала.

— Понимаете, писательский билет обмывали. Я выпила-то всего две рюмки коньяка...

И только она это проговорила, как почувствовала, (а может, потеря крови сказала), что пьянеет, и ей вдруг стало как-то весело. И пока фельдшер обрабатывала ей рану и делала перевязку, она охотно болтала с ними, как со старыми добрыми друзьями, буквально за несколько минут рассказав им о себе добрую половину своей жизни.

Затем она подарила им два сборника своих стихов (подметив, как они этому обрадовались). А когда они еще попросили у нее автограф!.. Вот тут она вдруг почувствовала, что вся ее сущность переполняется каким-то гордым торжеством. И, встав в поэтическую позу, Настя прочитала свое любимое стихотворение Осипа Мандельштама. И она видела, как светились их лица. («Думают, что это мои»,— мелькнуло у нее в голове.) Да, в этот момент она и сама думала так же.

Затем она поблагодарила врачей за оказанную помощь и, сказав, что ей очень хочется спать, пожелала им счастливого пути.

— Нет, нет!— в один голос заговорили врач и фельдшер, сунув ей под нос ватку с нашатырным спиртом.— Рана слишком глубокая, придется зашивать. Одевайтесь, надо ехать в травмпункт.

— Вова, помоги мне!— крикнула Настя.

Вовка вышел из кухни, чтобы застегнуть молнию на Настином платье.

— Дядя мой,— сама не зная почему, сказала Настя.

— Дядю нашла,— обиженно проворчал Вовка и снова ушел на кухню. Настя демонстративно бросила ключи на стол перед ним и, очутившись в машине «скорой помощи», тут же и забыла о нем.

Ехали довольно долго. Насте очень хотелось спать. Фельдшер спросила:

— Как вы себя чувствуете?

— Спать хочется,— пробормотала Настя.

— Можете лечь,— сказала та, взглядом показав на носилки.

«Ну уж нет»,— подумала Настя и, заставляя себя взбодриться, стала громко читать свои стихи, пытаясь перекричать шум мотора. Наконец-то приехали. «Куда завезли?»— думала она.

Тихая осенняя ночь на удивление была теплая. Высокие фонари освещали дорожку сквера и серебрили ребристые листья деревьев.

«Красиво»,— отметила Настя.

— Посидите на скамейке,— сказал врач и скрылся в корпусе здания с высоким крыльцом.

Свет луны мягко падал на скамейку, на которой сидела Настя. И вдруг достав записную книжку из сумочки, она старательно стала что-то писать.

Вышел дежурный врач и сказал:

— Пойдемте, женщина.

— Сейчас, сейчас,— ответила Настя, продолжая писать. Врач подошел к ней, и она заметила, как он, заглянув в ее записную книжку, прыснул в кулак, а потом снова сказал:

— Пойдемте, женщина, пойдемте...

Настю задел его ехидный тон. Медленно убрав записную книжку в сумочку, она с гордым видом, поднявшись со скамьи, торжественно произнесла:

— А в небе танцует золото, приказывает мне петь.— И с гордо поднятой головой вошла в здание травмпункта...

Настя шла по длинному коридору и продолжала дальше читать стихотворение любимого Мандельштама.

— Женщина, замолчите,— сказал ей дежурный врач.

Остановившись, она удивленно спросила:

— Вы что, не любите Мандельштама?

— Нет,— ответил он.

— Может, и Есенина, и Пушкина?— продолжала она и, снова услышав отрицательный ответ, проговорила:

— Ну уж, извините... Может быть, я что-то не понимаю в этой жизни...

Тут появилась какая-то женщина и пригласила ее:

— Пойдемте, пойдемте со мной.— И, взяв под локоть, провела в какую-то огромную комнату.— Вон туда встаньте, пожалуйста.

Настя оказалась возле большого белого экрана. Микрофона она не заметила и, вытянув вперед руку, произнесла:

— А в небе танцует золото...

— Сядьте на стул и замрите,— сказала женщина.

Настя, обняв себя руками, сделала поэтическое выражение лица и замерла. («Фотографируют»,— думала она.)

— Теперь повернитесь в профиль.

Поворачиваясь, Настя, глупо улыбнувшись, подумала: «Зачем в профиль? Милиция что ли?».

Затем эта женщина отвела ее в другой кабинет, в котором был жуткий холод. И там уже знакомый дежурный врач предложил ей лечь на кушетку, обтянутую белой клеенкой, чего она долго не могла сделать... Наконец-то ее убедили, что платье снимать не надо и лежать надо на животе.

А когда она поняла, что ей бреют голову, она закричала:

— Я люблю все натуральное. Оставьте! Оставьте мне волосы!— отметив про себя в этот момент: «Не вырезатель ли это?»

Ей уже зашивали рану на голове, а она все кричала:

— Я вздрагиваю от холода. Мне хочется онеметь...

Медбрат ехидно что-то прошептал врачу, а слух у Насти был музыкальный, и она, приподнявшись, уставилась прямо в глаза этому ехидному и прошипела:

— И пока мне рот не зашили нитью, из него будет раздаваться лишь благодарность...

А потом все исчезло. Настя сидела одна на клеенчатой кушетке, вокруг все кипельно-белое и — тишина, тишина...

«Приснилось, что ли?»— подумала она. Встав с кушетки, пошла по длинному коридору, открывая то одну дверь, то другую, какие-то боксы, кабинеты — и никого. Достала мобильный телефон из сумочки — ого, три часа. Страшно хотелось спать. Немного помявшись, она постелила на кушетку свое модное дорогое пальто и уснула... ненадолго. Настя проснулась от холода, ее трясло, но, слава Богу, наступило утро, и она вышла на улицу.

Очувтившись за забором больничного городка, растерянно оглянувшись, пошла наугад по пустынному тротуару длинной улицы.

Вернувшись домой, Настя тихо вошла на кухню. На столе стояла пустая бутылка из-под коньяка, а рядом лежала записка.

— Вовка, Вовка,— проговорила она осуждающе, выбросив пустую бутылку в мусорное ведро.

«Достался и потом, и кровью»,— вздохнула она, посмотрев на писательский билет, который красовался в вазочке с конфетами.

Прочитала записку:

*Долго рыдал
До потери сознания...
Слезы, как звезды, глотал
Настенька, Настя,
Моя родная.
Встретимся на ВЛК.*

Улыбнувшись, села на маленький диванчик и, прикрыв усталые глаза, стала вспоминать... ровные дорожки больничного сквера, фонари, серебристые кроны деревьев, скамейку, мягкий лунный свет...

— Что же я там писала?

Она достала из сумочки свою записную книжку и рассмеялась, увидев только одну фразу, написанную большими и скачущими буквами:

«КА-КА-Я КРА-СИБ-АЯ Н-ОЧ-Ь...»

БАРАБАШКА

Поезд приближался к Москве. Подлипки... Мытищи...

Она смотрела в убегающую даль.

«Скоро, скоро я буду дома. Домой. Домой... Акимович, небось, ждет... на перроне».

...Приехали. Чемодан, сумка, плащ. Ничего не забыла. К выходу образовалась длинная очередь.

«Где же он?»

— Миленькая моя, миленькая!

— Привет.

Она подумала: «Он как будто стал еще меньше. Если бы он не умел говорить, я бы его не заметила».

Его большие, навывкате, глаза, наполнились слезами. И весь он был такой несчастный и потерянный.

— Миленькая, дай я посмотрю на тебя. Не верится. Наконец-то!

— Пойдем, пойдем домой. Я устала. Я очень устала...

«Ну вот, я и дома»,— вздохнула она.

— Закрой дверь, хорошо закрой.

Сняв туфли, она вошла в комнату и ... остолбенела. Затем закричала:

— О боже, что это!?! Иди сюда немедленно! Что это? Откуда? С помойки? Из подъезда?

— Это?.. Это — ковер.

— Какой ковер? Ты что, мою квартиру хочешь в улицу превратить?
Она замахала руками:
— Убирай, немедленно убирай! Боже мой! Один цемент!.. Не пыли. Сколько лет по чужим антресолям лазил, никак без пыли не можешь! О-о!..
— Сейчас, сейчас,— Акимович засуетился.
— А здесь что? На балконе тоже? Убирай, убирай! Я так и знала, нельзя тебя одного оставлять. Что ты сделал с моей квартирой! А это что? Что?! Где мой цветок? Ты загубил мой любимый цветок... Я спрашиваю, где мой цветок?.. Как сгнил? Как выбросил?.. О, Господи! Как ты мог? Это же цветок моего сына. Это... это его память. Наглец! Наглец! Барабашка несчастная. Кто тебя прислал на мою голову?
— Но ты же сама меня и вызвала. Забыла? Увидела мой портрет в журнале. Я ведь тогда был молодой и красивый.
— Без разницы... Зачем тебя оставили здесь? Ты должен порядок блюсти. Меня оберегать, а ты?.. Чем ты здесь без меня занимался?
— Повесть писал.
— Какую повесть?
— Про нашу гребаную жизнь. Про беспредел. Про наши коррумпированные власти.
— Дурак! Живешь себе тихонько и живи, не высовывайся. Что ты понимаешь в политике. Писатель! Академик! Книгоноша хренов. Не зря тебе на родине при жизни в библиотеке стенд открыли.
— Ох, приехала моя, узнаю... Я так и знал, так и знал, влетит мне из-за этого ковра.
— Это моя квартира, барабашка. Понимаешь? Моя...
— Понимаю, миленькая, понимаю, но я-то думал, может, тебе понравится... И глаза его снова наполнились слезами.
— О-о, какой же ты...
— Что, теперь ты меня выгонишь? Как же, как же я буду без тебя?— тихо проговорил он.
— О-о, что мне делать? Откуда ты взялся?
— Из Переделкино.
— Что ты там делал?
— Повесть писал... Нас там много было. Союз развалился и нас разогнали. Вот пристроились, кто как. Больше все по одиночим. Мы любим одиноких.
— За что это вы их любите?
— Они слушать умеют... Я люблю тебя, миленькая,— голос его задрожал.
— Ладно уж. Только не мешай мне, не шебурши. Вон на балконе письменный стол, от сына остался, пиши... свою повесть. И ничего больше не приноси в дом: своего барахла хватает.
— Спасибо, миленькая. А можно, я от друга книги принесу?
— Нет, нет, ничего.
— Я только...
— Нет! О-о!..
— Все, все, не буду.
Голос его звучал все увереннее.
— Так, миленькая моя, традиционный вопрос: ты покушала?.. Ложись спать, долго не засиживайся... Женщина должна высыпаться.
— Ты же шебуршишь по утрам, спать мне не даешь.
— Я?.. Что ты, миленькая. Я как мышка...
— Все, все, иди, мышка. Ха-ха...

Проснулась она от стука, прислушалась.
Снова стукнуло на балконе. Нашупав рукой мобильный телефон на журнальном столике, приоткрыла глаза.
— Пять часов утра... Ох...
Страшно хотелось спать. Кто-то зашуршал бумагой...
— У-у, барабашка несчастная.— И, сунув ноги в тапочки, вышла на кухню.
Вскоре по квартире разнесся запах свежесваренного кофе. Она вошла в комнату и, приоткрыв дверь на балкон, сказала:
— Акимович, не пора ли завтракать?..

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

Я ТОЖЕ ЗДЕСЬ ЖИВУ

Детский оздоровительный лагерь. Середина лета. Лес. Деревянные домики. Заехала очередная смена.

Днем не слышно, а ближе к ночи из под пола доносится возня, шорох и писк.

Вожатый Юрий сидел в своей небольшой комнатухе, где находились только узкая кровать, стол и стул и читал книгу Рэя Брэдбери. В лагере был тихий час, поэтому все отдыхали: кто-то спал, а кто-то только делал вид, что дремлет.

Из-под кровати выбежал маленький мышонок. Он остановился, пошевелил усами, поднял голову и, увидев Юрия, замер, оценивая ситуацию. Но тут же опомнился:

— Пи,— поздоровался он, глядя в глаза вожатому, не двигаясь с места.

— Привет,— ответил ему юноша.

Услышав человеческий голос, мышонок быстро засеменил в угол комнаты, где между плинтусами оказался зазор, довольно приличных размеров, куда и юркнул серый комочек.

У Юрия появился сосед или, точнее будет сказать, Юрий присоседился к коренному жителю лагеря.

Вожатый в знак дружбы положил перед норкой кусочек сыра. Но мышонок, наверное, знал, что бесплатный сыр бывает лишь в мышеловке и поэтому решил его не трогать.

Утром, когда Юрий проснулся, то сыра все-таки на месте не оказалось.

«Значит, все нормально — подружился»,— подумал юноша и как бы в подтверждение своих мыслей услышал из норки:

— Пи!

— И тебе доброе утро, сосед!— радостно крикнул Юрий, вставая с кровати.

СООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ КОТ

Ксения разговаривала по телефону и уже довольно длительное время.

Кот Мурзик сидел на полу и слушал голос хозяйки. Затем стал мяукать — просить есть. Ходил кругами возле стула, терся о ноги.

Все это не возымело действия, и поэтому он забрался на стол, продолжая мяукать. Но Ксения, увлеченная разговором с подругой, не обращала на него никакого внимания. Тогда Мурзик сел на столе напротив девочки и внимательно стал смотреть ей в глаза с укоризной.

Ксения почесала кота за ушком. И все. И больше никаких действий.

Мурзик нажал лапой на рычаг телефона, отключая его, и мяукнул, как бы говоря: «Ну, сколько можно болтать! Покорми меня!»

Девочка удивленно посмотрела на кота.

— Мяу!— ответил тот. «Совесть надо иметь! Ребенок голодный!»

ОБМАНУЛ

Воробей провалился между оконных рам на лестничной площадке. Как уж там получилось, никто не видел, но факт был на лицо. Он пытался выбраться, чирикал, трепыхался, подпрыгивал и сползал по стеклу. Крылья расправить было негде — место узкое. Немного отдохнув и набравшись сил, он предпринимал попытки заново. Надо было спешить, пока его никто не поймал и не съел.

Дядя Петя, спускавшийся по лестнице, решил помочь бедолаге. Но рамы оказались забитыми наглухо. Тогда мужчина встал на подоконник, просунул руку между рам и взял воробья.

Тот затих, перестал чирикать, закрыл глаза и свесил голову с ладони, всем своим видом усиленно показывая, что он умер и его не надо есть.

Дядя Петя слегка встряхнул птицу.

Никаких признаков жизни.

Лежит на спине, голова болтается. Только правый глаз слегка приоткрылся, наблюдая за происходящим, и сердечко учащенно бьется, выдавая хитрую птицу.

— Экий ты, шельмец, однако!— проговорил дядя Петя, рассмеявшись и просунув руку в форточку, раскрыл ладонь.

Почувствовав свежий ветер и то, что его никто не держит, воробей встрепенулся, оттолкнулся крыльями от ладони и упал вниз. Тут же перевернулся, замахал крыльями и стремительно начал удаляться от дома, весело и громко чирикавая от восторга, оповещая всех, что удалось благополучно спастись, обманув человека.

ДРАКОН

У кошки родилось пятеро котят. И это не считая тех четверых, которые подрастали с прошлого года.

Жалко их было топить в пруду — решили раздать знакомым.

Одного за пазухой принес сын.

Котенок был не породистый, а самый обычный — дворовый, трехцветный с белой грудкой и белыми носочками. Спина вся серая, а на животике коричневые пятнышки. Кроме этого глаза у него были еще закрыты, пищал он, не переставая, а шерсть топорщилась так сильно, что сын предложил назвать его Драконом.

— Ну, какой же он — Дракон?— удивленно сказала дочь, держа этот пушистый комочек на своей маленькой ладони.— Это не Дракон, а — Дракоша.

Так с тех пор его и звали — Коша-Дракоша.

Сначала кормили молоком из пипетки. Потом начали открываться глаза, стали приучать есть из миски, ходить в туалет — в оборудованный лоток, о специальную дорожку чесать когти.

Дракоша подрастал.

Изучал пространство, в котором ему предстояло обитать.

Любил катать по полу маленький каучуковый мячик и бегать за бумажкой, привязанной на ниточку. Но особенно ему нравилось играть в догонялки-салочки.

Как это происходило.

Котенок подбежав к кому-нибудь сзади ударял того лапой по ноге и смотрел на

реакцию. Если человек разворачивался и пытался схватить котенка, тот подпрыгнув, со всех ног улепetyвал в комнату под диван или стол, забирался по ковру на шкаф или прятался на кухне за холодильником.

И так продолжалось несколько раз, пока Дракоша не выдыхался, терял к этому интерес и, полакав водицы или молочка, ложился спать.

Как-то я решил ему подыграть — кинулся за ним. Он на радостях помчался по коридору, от удовольствия что-то мурлыкая. Но дверь в комнату оказалась закрытой. Котенок заметался, ища выход из создавшейся ситуации.

Я неторопливо надвигался на него.

Дракоша, заметив щель под шкафом, юркнул туда.

Я просунул руку, но никого там не нашупал. Тогда я присел, наклонил голову к самому полу и стал смотреть, где же он там спрятался.

Но кота там не было.

А он в это время прополз возле плинтуса, обежал вокруг, подобрался ко мне сзади и, наклонив голову, тоже стал смотреть под шкаф, мяукая, как бы говоря: «Кого ты там высматриваешь? Я только что оттуда. Там никого нет».

Я сел на пол и рассмеялся.

Потом взял Дракошу на руки и почесал за ушком.

Он благодарно заурчал и, поняв, что игра закончилась, спокойно заснул.

Когда через год он решил повторить свой трюк, то просто напросто застрял под днищем шкафа, так как ощутимо подрос и поэтому не смог протиснуться к плинтусу, оставив наружу торчащую часть туловища задние лапы и хвост.

ЗАЯЦ

На автобусной остановке скопилось много народа. Видать, автобуса давно не было.

Кто-то не терпеливо переминался с ноги на ногу, наверное, куда-то опаздывал. Несколько человек курили. Некоторые кутались в плащи и поднимали воротники — все-таки осень на улице.

Между молодым парнем, который курил и ежился от холода, и мужчиной средних лет в добротном новом пальто лежала собака абсолютно черного цвета. Хотя, если внимательнее присмотреться, то шерсть ее казалась несколько сероватого оттенка. Но это, скорее всего от пыли и грязи, так как собака была дворнягой и мыться ей, конечно же, не доводилось.

«Друг человека» по размерам напоминал крупную немецкую овчарку, хотя выглядел миролюбиво, и в глазах читалась легкая грусть.

А кому не грустилось в эту пору?

Осень пришла.

Подъехал долгожданный автобус.

Все стали в спешном порядке втискиваться внутрь и проходить, как можно глубже, подальше от дверей, чтобы быстрее согреться.

Собака вслед за парнем поднялась по ступенькам, но не осталась с ним, а прошла по салону дальше и остановилась у водительской кабины, где свободного места оказалось гораздо больше.

Посмотрев по сторонам, она улеглась на пол.

Кондуктор — женщина средних лет, крупного телосложения в толстом коричневом свитере ручной вязки с большим воротником и черной кожаной куртке продвигалась с задней площадки, продавала билеты и проверяла проездные документы.

Женщина добралась до собаки, которая слегка перегородила дорогу, но дальше не пошла, перешагивать через нее не стала. Мало ли что у той на уме.

— Ты откуда такая взялась с грустными глазами?— обратилась она к разлегшейся на полу пассажирке.

Дворняга внимательно посмотрела на говорившую женщину.

Никто из пассажиров не произнес ни слова.

— Граждане, чья это собака?

Молчание ей было ответом.

— Так. Значит, платить за тебя никто не хочет, а проездного у тебя, конечно, нет!— весело констатировала кондуктор.

— Она деньги дома забыла, поэтому и глаза у нее грустные,— поддержал разговор юноша.

В автобусе раздался смех.

— Ей просто холодно, и она решила покататься,— добавил маленький мальчик, сидящий рядом с мамой, которая при этом заулыбалась.

— Выходит, что ты у меня безбилетный пассажир,— продолжила размышлять кондуктор.— Что же мне с тобой делать? Вообще-то за такое наказать надо.

Собака внимательно выслушала все, что говорила женщина, поднялась, опустила голову и понуро поплелась в заднюю часть автобуса.

— Вы посмотрите,— всплеснула руками женщина в свитере.— Как будто что-то поняла, осознала, ей стало стыдно, и она решила выйти.

Окружающие, наблюдая за этой картиной, рассмеялись.

Но когда открылись двери, дворняга внимательно посмотрела на улицу и выходить не стала, а улеглась уже на задней площадке.

— Видать, не ее остановка!— констатировал тот же веселый юноша.

В салоне снова раздался смех.

Несколько остановок так и ехали. Черная, как ночь, собака с грустными глазами лежала у задних сидений. Люди выходили и входили, с опаской поглядывая на необычную пассажирку.

В очередной раз открылись двери автобуса, выпуская из своего чрева приехавших людей. Собака поднялась, глянула на улицу и, выйдя из салона со всеми остальными, не торопливо и без суеты, пошла по каким-то своим, собачим делам.

Чувствовалось, что она проделывает такое не в первый раз. Уж очень осмысленные были все ее действия.

